

От Вислы до Одера

В январе 1945-го началась Висло-Одерская стратегическая наступательная операция. О том, как это было, рассказывает ее участник, большой друг нашей редакции Владимир Алексеевич Жилкин

В январе 45-го

1944 год был годом успешных действий советских войск, которые в результате наступления почти полностью изгнали врага с родной земли, освободили от фашистского ига Болгарию, Югославию, восточную часть Польши, Чехословакии и северной Норвегии, вынудили выйти из войны Финляндию, Румынию, Венгрию.

По плану Советского Верховного Главнокомандования решающая роль в зимней кампании 1945 года отводилась Висло-Одерской операции, проводившейся на главном Варшавско-Берлинском направлении, которое кратчайшим путем выводило советские войска к центральным районам Германии с конечной целью штурмовать Берлин.

Сначала наступление намечалось на 20 января 1945 года, но по просьбе наших союзников, которые оказались в тяжелом положении ввиду контрудара фашистских войск в Арденнах, наша Ставка перенесла наступление на 12 – 15 января 1945 года. Наступательную операцию планировалось начать с трех плацдармов: Магнушевского, Сандомирского и Пулавского.

Главное – разведка

Мне, младшему лейтенанту, командиру батареи 771-го артиллерийского полка 248-й стрелковой дивизии, довелось участвовать в тех боях. По долгу службы я занимался разведкой противника – его важных целей, определением их точных координат и обеспечением связи командира батареи, находящегося на наблюдательном пункте, с огневой позицией и пехотой. Дивизию в составе 5-й ударной армии, прибывшей из резерва Ставки Верховного Главнокомандования, вводили на Магнушевский плацдарм, который был захвачен войсками 8-й гвардейской армии еще в августе 1944 года, по частям. В конце декабря ввели нас, артиллеристов, остальные части остались на восточном берегу и прибыли на плацдарм только к 13 января 1945-го.

Мы были строго предупреждены о сохранении военной тай-

ны: никому не говорить, из какой мы части, для чего прибыли на плацдарм. За две недели мы проделали огромную работу по инженерному оборудованию огневых позиций, наблюдательных пунктов и мест для машин и лошадей (в нашей дивизии две бата-

реи – 4-я и 5-я – были на конной тяге), завезли огромное количество боеприпасов. Работали только по ночам, днем все маскировали снегом и белыми маскесетами.

Днем и ночью мы вели разведку: нас интересовали силы и средства противника, точное положение целей, мы готовили исходные данные для артогня. Безусловно, нам предоставлялась возможность использовать данные о противнике, взятые у 8-й армии, но полагаться полностью мы могли только на свои разведанные.

Стрелковые и другие подразделения, танки непосредственной поддержки пехоты были введены на плацдарм в ночь на 13 января. Все с нетерпением ждали приказ о наступлении. Нам было зачитано обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта.

В условиях плохой видимости

И вот 14 января 1945 года в 6.30 по местному времени (в 8.30 по московскому) началась артиллерийская подготовка. Хотя наша дивизия наступала во втором эшелоне, мы, артиллеристы, поддерживали огнем наступление 301-й дивизии нашего корпуса, шедшей в первом эшелоне.

Погода не благоприятствовала наступлению, сильный туман затруднял наблюдение за стрельбой и корректировку огня. Пришлось полагаться только на точность подготовленных данных для стрельбы. В этот день и авиация не смогла нас поддержать.

Через 25 минут после начала артподготовки поступил приказ – огонь прекратить. Это означало: наши передовые батальоны успешно преодолели первую траншею и продолжают наступление, в бой вступили главные силы.

Мы перешли к артиллерийской поддержке атаки. В условиях плохой видимости это было затруднительно и рискованно: можно поразить своих. Я находился на передовом наблюдательном пункте, и для улучшения наблюдения мне при-

шлось на стереотрубу надеть специальную приставку, вдвое увеличивающую изображение. Наши войска успешно осуществили прорыв обороны противника и устремились вперед.

ЧП в дивизионе

В это время я выполнял особое задание командования. Дело в том, что накануне наступления у нас в дивизионе произошло чрезвычайное происшествие. В ночь с 10 на 11 января на расположение наших наблюдательных пунктов напали фашистские разведчики. Непосредственную охрану несли наши артиллеристы – парный пост разведчика взвода управления дивизиона и связиста моего взвода ефрейтора Козуры. Проснувшись от разрыва гранаты, я быстро организовал оборону землянок, где находились командир батареи капитан Тюрин и командир дивизиона майор Фисун. Завязалась настоящая бой, когда он стал зачихать, мы обнаружили в траншее нашего мертвого разведчика, а вот ефрейтора Козуру мы нигде не нашли. Сразу мелькнула мысль, что его утащили фрицы. Такое у нас в дивизионе случилось впервые. О происшествии сразу доложили командиру полка полковнику Дунину и по команде наверх. Наутро к нам прибыл командующий артиллерией генерал П.И. Косенко. По его приказу под покровом метели мы ползали на нейтралку, где обнаружили пробитый пулей или осколками ремень Козуры. Видимо, его, раненого, уволокли немцы. Уезжая, генерал распорядился узнать дальнейшую судьбу солдата.

Такую задачу мне, как командиру батареи, и поставил капитан Тюрин. При наступлении я должен был двигаться совместно с передовыми подразделениями 301-й дивизии и через плененных немцев постараться установить, что же произошло с Козурой.

Я взял с собой разведчика Мишу Тулеганова, но в пути он был ранен, и мне пришлось оставить его в медсанбате и выполнять задание одному.

Я обследовал даже немецкий лазарет, где находились их раненые, но медперсонал, дрожа от страха, ничего не мог сообщить. Наконец попался один фриц, его допрашивали наши пехотинцы. К допросу присоединился и я. Пленный, как выяснилось, был свидетелем допроса нашего раненого солдата. Оберлейтенант хотел установить, с какой он части, дивизи-

онии, армии, сколько русских на плацдарме. Но наш солдат ничего не ответил, он погиб, не дав военной тайны. Где он похоронен, пленный не знал. На другой день я подробно доложил результаты поиска командиру. А спустя годы рассказал об этом случае писателю В.Е. Скоробогатову, который включил этот эпизод в свою повесть о командире 5-й ударной армии Н.Э. Берзарине.

...Моя встреча с батареей произошла в районе реки Пилица, где дивизия вводилась в бой. Здесь, ожидая подхода своей батареи, я впервые увидел командующего нашей 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Николая Эрастовича Берзарина. Оказывается, он прибыл на передовую, чтобы вручить орден Красного Знамени механику-водителю Валентине Горбачевой, чей танк первым ворвался в расположение врага и гусеницами раздавил пулемет и два орудия фашистов. Говорили, что командарм вручил девушке и французские духи.

За расширение плацдарма

В ночь на 15 января дивизия была введена в бой, а утром противник нанес танковый контрудар с целью сбросить наши войска с плацдарма реки Пилица. В этот день немцы пять раз атаковали наши позиции, и в одной из атак танкам врага удалось прорваться к огневым позициям нашего дивизиона. В бой вступили 122-миллиметровые гаубицы моей 6-й батареи. Артиллеристы под руководством лейтенантов Киселева и Денисова самоотверженно отражали атаку врага, и, потеряв 4 танка, противник отошел на исходные позиции. 16 января наша дивизия совместно с 301-й стрелковой дивизией продолжила бои за расширение плацдарма. И здесь я впервые наблюдал, как самоотверженно и слаженно под огнем противника работают саперы, командиром одной из групп, которая разминировала мосты, была девушка. По наведенным саперами мостам наши передовые отряды и танкисты 2-й танковой армии устремились к реке Одер.

17 января была освобождена столица Польши Варшава, одними из первых ворвались в город воины 1-й Польской армии. Всему личному составу нашей дивизии и в целом 5-й ударной армии была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего Сталина, а через несколько месяцев мы были на-

граждены медалью «За освобождение Варшавы».

По тонкому льду

В ночь на 27 января 1945 года мы пересекли границу Германии – к нашему удивлению, без единого выстрела. В первой деревне мы не встретили ни одного человека, напуганные гебельсовской пропагандой, немцы покидали свои дома. В другой деревне, в одном из окон увидев свет, мы с разведчиками осторожно вошли в дом. Это была деревенская пекарня. Хозяйка, увидев нас, перепугалась насмерть, но нам удалось их убедить, что с мирными жителями мы не воюем. Нас даже угостили теплым хлебом.

Командир нашей дивизии генерал-майор Н.З. Галай требовал стремительно продвигаться вперед, с ходу форсировать реку Одер, несмотря на то что тылы с горючим, боеприпасами, продовольствием серьезно отстали, остановилась без горючего техника. Наша 6-я батарея тоже отстала, пехоту поддерживали две батареи нашего дивизиона на конной тяге. Разведчики и связисты, и я в том числе, двигались с ними, поддерживая связь с командиром по радиостанции.

Под огнем вражеской авиации, без тяжелой артиллерии, без танков и боеприпасов 1 февраля мы вышли к Одеру. Попытка форсировать реку днем успеха не принесла: два орудия огнем из огнестрельных пушек фашистских самолетов Фокке-Вульф 190 (мы называли их фокерами) были повреждены, кони побиты. Было принято решение форсировать реку с наступлением темноты.

В ночь с 1-го на 2 февраля 1945 года стрелковые батальоны 902-го и 899-го полков дивизии, несмотря на пулеметный огонь с западного берега реки, по льду, по которому текли потоки воды (выше нас по течению немцы взорвали лед), устремились вперед. Я шел впереди оружейной упряжки, в одной руке держал кол, которым проверял, нет ли полыньи. Причем нам приходилось под пулеметным огнем падать на лед, а ведь мы были в полушубках.

Несмотря на сильный вражеский огонь, мы захватили плацдарм на западном берегу Одера, заняли два населенных пункта и организовали их оборону. Нам предстояли тяжелые, кровопролитные бои. До Берлина оставалось 70 километров.

Владимир ЖИЛКИН,
участник Великой
Отечественной войны

Фото из архива редакции